

КЭТИ ХОЛТ

Мой
НЕВЫНОСИМЫЙ
соавтор

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X73

Katie Holt
NOT IN MY BOOK

Copyright © 2024 by Katie Holt
All rights reserved.

Перевод с английского *Марии Регины Саар*

Иллюстрация на обложке *AceDia*

Холт, Кэти.

X73 Мой невыносимый соавтор / Кэти Холт ; [перевод с английского М. Р. Саар]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-230005-9

Рози переехала в Нью-Йорк, чтобы стать успешной писательницей, но исполнение ее мечты усложняется. Все из-за одноклассника Эйдена Хантингтона — объекта симпатии в прошлом и главного источника раздражения в настоящем.

Она верит в счастливые финалы, он — в суровую реальность. Их стили несовместимы, но обстоятельства вынуждают стать соавторами одного романа.

Рози и Эйден превращают рукопись в поле битвы, где слова оголяют чувства, а сюжет обнажает тайные желания. Но смогут ли они сохранить созданное, если придется выбирать — карьера или любовь?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-230005-9

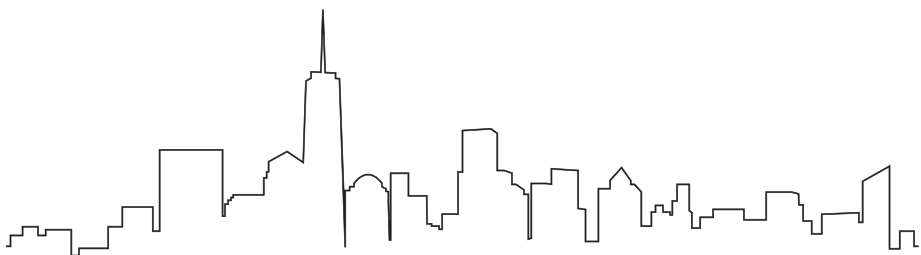
© Саар М.Р., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Момо, бабушке и любимому дедушке.
Я писала это, изо всех сил не думая, что говорю.
Моим родителям, каждый день демонстрирующим,
что любовь, о которой пишут в книгах,
существует и вне книг*

ОСЕНЬ

*Говорят, от любви до ненависти — один шаг.
Нас с Хантером разделяли океаны.*

— Отрывок из безымянного романа
Рози Максвелл и Эйдена Хантингтона

ГЛАВА 1

Мама всегда твердила: не можешь сказать что-то хорошее — лучше не говори ничего вообще. Обычный материнский совет, но я восприняла его как закон Божий. Если вкратце — это одна из негласных заповедей Юга. Сами понимаете, южное гостеприимство и все дела.

Я практически уверена, что Эйдена Хантингтона мать учила прямо противоположному. Если не можешь сказать ничего хорошего — кричи во весь голос! И не останавливайся, пока не донесешь до собеседника, что он — *ничтожество*.

Это объяснило бы, почему Эйден считал своим долгом критиковать меня. На каждом (каждом!) семинаре.

— Над описанием чувств еще работать и работать. — Он начал с этих слов, когда на обсуждении моей новой главы подошла его очередь высказываться. Большинство людей начинали отзывы с парочки любезностей и заканчивали аккуратной и конструктивной критикой. Эйден же не церемонился и не стеснялся в выражениях. Он пролистывал страницы с таким видом, будто мой текст нанес ему личное оскорбление.

— А эти диалоги! Серьезно. Если Розалинда...

— Роза, — перебила я. Он поднял на меня глаза, вглядываясь из-под ресниц, и чуть вскинул бровь. — Сколько можно повторять. Меня зовут Роза.

На другой стороне аудитории Ида, наша наставница, прокашлялась и смерила меня мрачным взглядом. Первое правило

Кэти Холт

мастерской? *Не говорить во время мастерской.* Автор зачитывал свою работу вслух перед собравшимися в классе, каждый из которых заранее готовил заметки по тексту. В процессе обсуждения автор должен был молча принимать все замечания.

Я поникла и неохотно кивнула, давая Эйдену знак продолжать.

Семестр начался всего пару недель назад, но такое быстро стало постоянной частью нашей жизни. Когда обсуждался Эйден, мы все его хвалили и *разбирали*. Не оскорбляли — просто предлагали идеи. Мы всегда были крайне милы и мягко объясняли ему, что работает, а что нет. Хуже всего, что в большинстве случаев его тексты работали.

Он же отвечал критикой. Резкой, но, к сожалению, полезной. Эйден, увы, имел талант к редактуре, который помогал всем в его окружении расти как писателям. Всем, кроме меня. Мы с ним танцуем этот танец уже второй учебный год — в предыдущем семестре нашей писательской мастерской он делал то же самое. Не воспринимал мои работы всерьез, потому что считал романтический жанр недостойным своего внимания, и не желал помогать мне оттачивать навык.

Он говорил еще пару минут, выдавая все то же, что обычно говорил о моих текстах:

«Я понимаю, что это романтика, но неужели сюжет должен строиться именно вокруг любовной линии?»

«Персонажам что, делать больше нечего, только влюбляться?»

«Что это вообще значит, “потемневший взгляд”?»

Я украдкой глянула через стол на Джесс, единственную другую любовную романистку в нашей мастерской. Та солидарно закатила глаза. Джесс училась на очном, так что у нее было на два предмета больше, чем у меня, и я даже *представить* не могла, как это ее, должно быть, выматывало. Я была на заочном, и мне пришлось на несколько лет отсрочить свою степень магистра изящных искусств, чтобы хотя бы позволить себе учиться в Университете Нью-Йорка.

Мой невыносимый соавтор

Изначально мы с Джесс сошлись из-за общей любви к романтике, а в этом году сплотились еще сильнее в свете неприкрытого презрения Эйдена к нашему любимому жанру. Я жаловалась на него весь прошлый семестр, но когда она лично увидела его ко мне жестокое отношение (забавно, что *ее* такое отношение не затронуло), Джесс стала сочувствовать мне еще больше. Теперь, как только я начинала жаловаться на Эйдена, она отвечала:

— Это все от плохо сдерживаемой сексуальной неудовлетворенности. Наверняка он критикует даже продолжительность стонов своих партнеров в постели.

— И самое главное. — Эйден бросил кипу бумаг на разделявший нас стол с такой гримасой, как будто ни минуты больше на эти бумаги смотреть не мог. — Тут нет жизни. Текст практически лишен эмоций. Казалось бы, романтика должна вызывать хоть какие-то переживания — радость, по крайней мере. Впечатляет, что тебе не удалось этого передать.

Я метнула в Эйдена испепеляющий взгляд, но вспомнила золотое правило и промолчала.

— Розы, можешь ответить на комментарии, если хочешь, — сказала Ида, когда Эйден закончил.

Я пролистала заметки товарищей по мастерской. Первую главу на обсуждение я приносила уже в третий раз и надеялась, что что-нибудь, хоть что-нибудь все-таки приживется. Наш курс представлял собой двухсеместровый интенсив по написанию романа, поэтому нам необходимо было предоставить первую половину этого романа в конце семестра, к промежуточной аттестации, и в конце года иметь на руках готовую книгу. Это был электив, но он шел в зачет требований по курсу и был специально составлен, чтобы помочь тем из нас, кто в качестве диссертации решил сдавать роман.

В самом начале семестра нам давали возможность «испытать» первые главы, на случай если мы сомневаемся в своих сюжетах, и с этим у меня возникли проблемы.

Кэти Холт

Я росла с мыслью о том, что непременно стану писательницей. Решила, что мне *необходимо* издавать любовные романы, чтобы все безнадежные романтики в мире попадали в обморок от восторга — больше меня ничего не интересовало. Романтика определила мой взгляд на мир, научила верить в лучшее и надеяться. Мне хотелось поделиться этим с другими. Этот курс стал для меня возможностью наконец выбраться из мучительного творческого кризиса и закончить рукопись.

— Я пытаюсь обозначить между ними напряжение. Хочу, чтобы в конце любовная линия прямо выстрелила...

Меня перебило фырканье. Эйден откинулся на стуле и закатил глаза. Когда-то *очень давно* он казался мне симпатичным. Прежде чем я узнала его ближе, сама мысль сидеть напротив него заставила бы сердце биться быстрее. Но после прошлого семестра мастерской мне его видеть было тошно. В семинаре нас было всего девять человек, но места, выбранные нами на самом первом занятии, вроде как стали нашими постоянными — иначе я пересела бы на другой край стола, как можно дальше от Эйдена.

— Извини, Эйден. Ты что-то хотел сказать? — Я прищурилась и взглянула на него с вызовом.

Его зеленые глаза сверкнули, как обычно перед одной из наших перепалок. Этому садисту нравилось спорить почти так же сильно, как и терзать своих героев депрессивными предысториями и трагическими концовками. Эйден был полной антитезой героя-любownika, что и доказывал каждым своим словом.

— Я сказал все, что хотел, — ответил он, к моему удивлению.

— Нет, что ты. *Я настаиваю*. — Я наклонилась к нему через стол, расплываясь в улыбке. Волосы упали мне на плечи. Раньше я не замечала за собой мазохизма, но от споров с Эйденем никогда не могла удержаться. В отличие от остальных, я его не боялась.

— Хорошо. — Он сел прямо и закатал рукава. Больше невероятного писательского таланта в Эйдене меня раздражало только то, что он был самым красивым мужчиной из всех, что

Мой невыносимый соавтор

мне доводилось встречать. Его внешность ничем не уступала красавчикам с обложек исторических любовных романов. Волевой подбородок, идеально причесанные волосы, казавшиеся невозможно мягкими. Контур сильных рук под достаточно облегающей рубашкой. Я отвернулась, стараясь убедить себя, что он так же мерзок, как его характер.

— Ты пишешь современную романтику, так ведь?

— Да.

— Тогда о каком напряжении может идти речь? Мы живем в эпоху мгновенного удовлетворения. Вершина саспенса в наши дни — смахнешь ты вправо или влево.

— Не соглашусь, — сказал Тайлер, единственный (помимо меня) голос разума в нашем классе. Хотя мы с ним дружили, он не вставал до конца ни на чью сторону. Семинар делился на две команды: тех, кто за Розы, и тех, кто за Дьявола. Тайлер же уверенно сохранял нейтралитет. Я усмехнулась и взглянула на Эйдена: поддержка Тайлера означала победу в нашем негласном соревновании. — Мне кажется, многие все еще знакомятся случайно, и в таких случаях напряжение точно есть. Моя сестра, например, встретила свою пару в кофейне. Без Tinder или Hinge, просто так звезды сошлись.

На словах «звезды сошлись» Эйден привычно закатил глаза, как делал всегда, когда речь заходила о счастливых концовках, щеночках и радости.

— Для меня это ничего не значит.

— Когда я сяду за книгу для вечно недовольных придурков, которым под тридцать, обязательно спрошу твое мнение, — огрызнулась я, с каждой секундой раздражаясь все больше.

— Отлично. А я обязательно попрошу твоего совета, когда буду работать над книгой для одиноких старушек-кошатниц. Я ткнула в него пальцем, краснея.

— Я же тебе *говорила*: это устаревший стереотип в отношении читателей романтики! Еще и *сексистский* к тому же.

— А я говорил тебе: художественная литература — не для унылых.

Кэти Холт

— Я и не считаю, что вся художественная литература для унылых! — Товарищи по семинару наблюдали за нашей перебранкой, как за теннисным матчем, поворачивая головы к каждому говорящему. — Только твое *творчество*.

— Тише, тише. — Ида поднялась со своего места во главе стола и сердито на нас посмотрела. Ее вряд ли можно было бы назвать грозной, но после нашего с Эйденом первого спора она показала, насколько страшна в гневе. Когда она злилась, как сейчас, облако ее рыжих кудряшек становилось похожим на пламя.

Мы с Эйденом вернулись на места, как двое насупившихся пятилеток. Я скрестила руки на груди, изо всех сил сдерживая желание показать ему язык. Семестр только начался, но между нами все еще ощущалось прошлогоднее напряжение, и я знала, что остальные в классе тоже это заметили. Что бы я ни сказала, он всегда был не согласен, так что я отвечала тем же. Уверена, о наших баталиях на мастерской в прошлом семестре до сих пор ходили слухи.

— Давайте не будем переходить на личности. Не забывайте: это все-таки безопасное пространство для обсуждения наших работ. — Ида выразительно на нас посмотрела. — Мы должны уважительно относиться к содержанию любого текста, независимо от жанровых предпочтений.

Она принялась делиться своими мыслями по поводу моей главы, но я так взвинтилась из-за Эйдена, что никак не могла сосредоточиться. Ида закончила говорить, и обсуждение перешло к чьей-то еще работе, а я уставилась на Эйдена, изо всех сил желая ему сгнуть с глаз моих. Он на миг встретился со мной взглядом, скривился в отвращении и вернулся к Иде.

Я сжала руку в кулак, впиваясь ногтями в ладонь, и поклялась, что однажды напишу персонажа по имени Эйден, которого убью самым изощренным и мучительным образом. С другой стороны, настоящему Эйдену скорее всего такое слишком понравилось бы.

Мой невыносимый соавтор

— Не забудьте доработать свои фабулы до конца недели, потому что дальше мы плотно сядем за рукописи, — сказала Ида. — Звучит пугающе, знаю, но нам предстоит марафонский забег по завершению ваших романов. Вы знаете мои часы для консультации на случай, если возникнут проблемы. До следующей встречи.

— Розы, пойдешь с нами выпить? — спросила Джесс, пока я собирала все бумаги с полученными сегодня комментариями в свою сумку.

Мы с Тайлером, Логаном и Джесс часто собирались после занятий в находившемся неподалеку баре под названием «Причудливый паб». С Джесс я быстро сдружилась в нашем первом семестре: мы вместе переживали из-за дедлайнов и неистово творили в многочисленных кафе Гринвич-Виллидж. Тайлер был объектом ее студенческой влюбленности. Мы пересекались с ним несколько раз в библиотеке и в Доме писателя, пока прошлой весной он не вошел в двери нашей мастерской. Джесс в тот момент чуть не свихнулась, и я, как настоящая подруга, однажды пригласила его и Логана выпить с нами. После этого наша группа сложилась сама собой.

— Сегодня не смогу, — извиняющимся тоном сказала я. — У меня дополнительная смена в «Убежище». В следующий раз? — Тут я мельком взглянула на Тайлера через стол и шепнула Джесс: — Сегодня твой шанс.

Джесс закатила глаза:

— Если бы. Я ему не интересна.

— А мне кажется, еще как интересна, — настояла я. — Но если не хочешь сегодня, обещаю, в следующий раз буду у тебя на подхвате.

— Да, пожалуйста, — сказала она и ушла.

Я взглянула на телефон и поморщилась. Если хочу успеть на поезд и не опоздать на работу, до Юнион-сквер придется бежать.

— До встречи завтра на консультации, Ида, — сказала я, выходя из аудитории.